

MARINA ZWIAGINA

Астраханский государственный университет, Rosja
mzwiagina@yandex.ru

NATALIA MAKSIMOWA

Астраханский государственный университет, Rosja
nmaksimova11@yandex.ru

Чувственное восприятие слова в романе-идиллии Александра Чудакова *Ложится мгла на старые ступени*

Размышления на представленную тему вызваны к жизни таким явлением, как внимание к слову у формалистов. Виктор Шкловский говорил о „возвращении человеку переживания мира”¹ с помощью „воскрешения” „стертого образа”, положенного некогда в основу слова². И далее: „[...] «художественное» восприятие — это такое восприятие, при котором переживается форма (может быть и не только форма, но форма непременно)”³. Именно таково состояние главного героя романа Антона Стремоухова — *alter ego* автора, ученого-филолога с мировым именем, исследователя поэтики Антона Павловича Чехова, публикатора и комментатора наследия Виктора Шкловского и Юрия Тынянова, Александра Павловича Чудакова. Кстати, цитаты из статьи В. Шкловского *Воскрешение слова* приведены по книге *Гамбургский счет* (1990), автором предисловия к которой является Александр Чудаков.

Особое отношение героя к слову становится предметом изображения в романе, темой, которая скрепляет разножанровый и разностилевой дискурс в единое целое. Словоцентричность героя, равно как и автора, задает одну из генеральных идей романа о способности слова преодолевать заб-

¹ В.Б. Шкловский, *Гамбургский счет*, Москва 1990, с. 36.

² Там же.

³ Там же, с. 36–37.

венье и тлен, сохранять жизнь в условиях, когда „ложится мгла на старые ступени” и когда „все они умерли”.

Тема слова в романе возникает почти сразу. Сначала это упоминание, что „Антон любил выразиться книжно”⁴. А дальше идет любование словами молитвы, записанной во фронтовом блокноте дяди Лёни: „Всё было очень красиво: «подаждь», «венцы нетления»”⁵ и описание курьеза со словом „местоблюстителъ”, которое в названии молитвы в дядином блокноте было написано как „мостоблюстителъ”.

Антон Стремоухов обладает „чувством слова”. В романе эта стертая метафора реализована через показ восприятия слова героем всеми основными модальностями ощущений. „Мир не имел невербального существования, вещи не обладали предметной телесностью — они рисовались буквами, но это была не молчаливая буквенность — они звучали целостностью слова”⁶. В восприятии героем слова участвуют не только зрение и слух, но и особое осязание, которое чувствует не телесность вещи, а „телесность” букв, из которых составлено слово, эту вещь обозначающее.

Задействованность всех видов ощущений в отношении к слову порождает особый спектр эмоциональных переживаний у главного героя: наслаждение, восхищение, радость, удивление, удовольствие. „[Гурка] учил Антона, как действовать главным орудием лаптёжного производства, называвшимся *кочедык*. — Как? — *холодея от восторга* [курсив наш — М.З. и Н.М.], переспросил Антон”⁷. „[...] больше всех лаптей вместе взятых, [...] ему нравилось само слово и то, как Гурка его произносит...”⁸. Гастрономические пристрастия Антона тоже порой обусловлены были звучностью названия продукта: „[...] в остальные дни отоваривали пшеном, шрапнелью, полбой (каша из неё Антону нравилась — за название)”⁹. Вкусовые рецепторы героя реагируют в первую очередь на звуковой строй слова.

Чувственное восприятие слова, пробудившееся в детстве, развивается и „взрослеет” вместе с героем, определяет его мировосприятие, судьбу. С детства в кругу привязанностей героя слово занимает равноправное место рядом с дедом, родителями, друзьями, животными, предметами быта.

Среди переживаемых в различной форме отношений главного героя к слову доминирующим становится чувство любви. Об этом свидетельствует и авторский жанровый подзаголовок „роман-идиллия”.

В работе *Формы времени и хронотопа в романе*, характеризую идиллический хронотоп, Михаил Михайлович Бахтин в качестве одной из общих черт типов и разновидностей идилий выделяет „основные реальности

⁴ А.П. Чудаков, *Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия*, Москва 2012, с. 7.

⁵ Там же, с. 19.

⁶ Там же, с. 397.

⁷ Там же, с. 172.

⁸ Там же, с. 173.

⁹ Там же, с. 125.

идиллической жизни”¹⁰, как то: любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты. Все эти „реальности жизни” можно наблюдать в романе Чудакова. Однако любовь в дополнение к традиционным смыслам направлена и на такой объект, как слово.

У главного героя, который испытывает к слову особые эмоции, намечается своего рода „роман” со словом, о чем свидетельствует, например, частота употребления глагола „понравилось” по отношению к слову. „Что такое порто-франко, Антон не понимал, но очень нравилось само слово”¹¹. Так же, как в объекте любви герой отмечал в слове его „внешность” („слово «шизофреничка» Антону понравилось, в нем было много хороших звуков”¹²) и „душу” („О структуре дед говорил часто, это красивое и полезное слово Антону очень нравилось, еще лучше звучало структурирование”¹³).

Эмоции наслаждения и восхищения у героя вызывают слова, которые выбиваются из нейтрального стиля, слова, обладающие „исключительной звучностью”. Их „он оставлял на вечер и шептал их, уже лежа под одеялом”¹⁴. Здесь мы наблюдаем пересечение двух семантических компонентов значения слова „любовь”, взаимопроникновение их границ. Первый — это „склонность, пристрастие к чему-либо”, а второй — это „чувство сердечной привязанности”, детализируемый таким аспектом смысла, как „влечение к лицу другого пола”. Последний вербализован следующим образом: „Два дня Антон засыпал со словом «хромпик»”¹⁵, „[...] для повторения перед засыпом Антон отдал недавно услышанному слову «псориаз». Псо-ри-аз”¹⁶. Отношения с понравившимся словом интимизируются: герой засыпает со словом, как засыпают с именем любимой.

Семантическое поле понятия „любовь к слову” в индивидуально-авторском осмыслении расширяется значениями „слово — магия” и „слово — спасение”. Оба эти смысла в романе реализованы в общем контексте. Антон очарован словом еще и потому, что ощущает его магическую силу: простая „бормотушка”, бессмыслица „Семафор, матадор, а не камень лабрадор” помогает ему освободиться от страха и неуверенности в себе. Велимир Хлебников рассуждал об этом свойстве зауми: „То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным”¹⁷.

¹⁰ М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975, с. 375.

¹¹ А.П. Чудаков, *Ложится мгла на старые ступени*, с. 75.

¹² Там же, с. 94.

¹³ Там же, с. 300.

¹⁴ Там же, с. 94.

¹⁵ Там же, с. 127.

¹⁶ Там же, с. 137.

¹⁷ В. Хлебников, *Наша основа*, [в:] его же, *Собрание сочинений: В 6 тт.*, т. 6., *Книга первая. Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Вступления. 1904–1922*, под общ. ред. Р.В. Дуганова, Москва 2005, с. 174.

Доминирующим средством языкового представления эмоций героя, вызванных „переживанием формы” того или иного слова являются эпитеты („потрясающее”, „красивое”, „полезное”, „замечательное”, „прекрасное”). „Антон запомнил много непонятных и звучных слов: номогенез, инцухт, гетерозиготный, полиаллельное”¹⁸. Эпитеты эти отнесены, как правило, к словам „нестандартным”, в которых привлекает или необычное сочетание звуков, или сфера их употребления, или возможность каламбура. Все их можно разделить на несколько категорий:

- слова из какой-либо специфической профессиональной сферы, как „кочедык”
- церковная лексика, дедовы „словечка”: „богозванный”, „дерзословный”, „кроткоравность”, „адмирация”, „лжемудрый”
- книжная лексика
- слова „исключительной звучности”
- слова, „сильные неожиданностью” (выражение В. Хлебникова).

Особые отношения героя романа со словом реализованы через игру. Среди забав и детских игр (играли в лапту, городки, бабки, штандер) в истории героя намечается особая игра — игра со словом. Неискушенным в творчестве и в филологии мальчиком, он чувствует и понимает игровую природу языка. В свое время „понимание языка как игры в куклы” сформулировал Велимир Хлебников: „Отсюда понимание языка как игры в куклы; в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира [...] Итак, слово — звуковая кукла, словарь — собрание игрушек”¹⁹.

Игра со словом становится возможной благодаря способности героя воспринимать слово рационально и эмоционально, не только слухом и зрением, но и „пробуя на вкус”.

Игра со словом порождает спектр положительных эмоций. Здесь нет проигравших, здесь Антон испытывает интеллектуальное наслаждение.

Широкий диапазон возможностей игры со словом раскрывается Антону на занятиях грамматикой с дедом. Он видит, как „стирание” одной только буквы („б”) целиком меняет содержание фразы: „Борись за уголь, сталь” — „Борис за угол стал”. Герой узнает, что слово, наподобие матрешки, может скрывать в себе другие самостоятельные слова, например, называющие число: „госп-1”, „е-2”. Палиндром Гавриила Романовича Державина „Я иду с мечем судия” демонстрирует мальчику подвижность, эластичность, гибкость слова, способного к кувырку-перевертню. Отсюда берет начало любовь к комбинаторным формам, поэзии — акростиху, палиндрому.

Чувствительность к языковым сдвигам превращается в страсть к „переделкам”, к трансформациям слов и фраз и наблюдению над их „новой жизнью”. Часто такие сдвиги порождают комический эффект: „и за борт её бросает в надлежащую волну”.

¹⁸ А.П. Чудаков, *Ложится мгла на старые ступени*, с. 313.

¹⁹ В. Хлебников, *Наша основа*, с. 173.

К прецедентам языковой игры можно отнести наделение слова новым значением. Слово „блиндрованный” из рассказов капитана (глава *Отважный пилот Гастелло*) прижилось в новых значениях „сначала у нас с Васькой, а потом и на всей Улице: «А он как блинданет!» или «Блиндируй» (мяч). Вместо «дурак и уши холодные» стали говорить «дурак блиндрованный». Холодные уши было немножко жалко»²⁰.

Эффект словотворчества порождает разного рода опечатки, описки. Можно ослышаться и получить „замечательное” слово, например, „мимоскаль”, которое Антон объяснил себе, исходя из коммуникативной ситуации. Дед, приглашая семью к столу, произносил: „Ребята, мимоскаль за нами!”. „Замечательное слово «мимоскаль» означало: налетай. Только много позже Антона осенило, что дед говорил: «Ребята, не Москва ль за нами!». Клич нравиться перестал»²¹.

Играя со словами, Антон осваивает центонную технику. Он смешивает тексты разных стилей и жанров в пародиях: в текст популярной советской песни вставляет высказывание Менделеева; цитату из стихотворения Некрасова соединяет со строчками Гимна Советского Союза, обнаруживая способность смотреть на мир иронически.

Один из вариантов игры со словом эксплицируется в повествовании о друге детства Ваське Гагине — „гении орфографии”. Антона притягивает к нему не только великодушие и доброта, но и патологическая безграмотность, результатом которой становятся многочисленные словесные „шедевры”: „кердпич”, „пестмо”, „зоз-тежка”, „аппрекоз”. Для героя с обостренным чувством слова и звука Васькины ошибки не только предмет забавы, но пример возможности языка выйти из рамок строгой грамматики и определенного набора звукосочетаний, пример „зауми”. Васькины anomalies восхищают Антона как произведения искусства, художественного творчества (в характеристике „гений орфографии” угадывается ирония автора-повествователя, искушенного филолога, но не героя). И через тридцать лет повзрослевшего Антона приводит в восторг сохранившаяся на валуне надпись „Гагин здезь бил”²².

Детской привязанностью к языку герой обязан прежде всего своему деду, который „учил читать [...], учил слышать птицу и слово”²³. Но в семье не только дед отличался особым отношением к слову. В сцене семейного чтения находим акцент на восприятии незнакомых, но красивых слов Антоном и его бабушкой, для которой эти слова были не просто необычным сочетанием звуков, а воспоминанием о прошлой жизни. „[...] дед уже открывал книгу и читал — особенно отчетливо те места, которые нравились Антону: «Цвет, ежели желаете, модный теперь гелиотроп или цвет канак... Есть два

²⁰ А.П. Чудаков, *Пожитая мгла на старые ступени*, с. 207.

²¹ Там же, с. 235.

²² Там же, с. 242.

²³ Там же, с. 439.

сорта кружев, сударыня! Ориенталь, британские, валансьен, кроше, торшон — это бумажные-с, а рококо, сутажет, камбре — это шелковые...» «Валансьен, кроше, торшон, — чуть слышно, закрыв глаза, шепотом повторяла бабка, — рококо, сутажет, камбре...»²⁴.

Изображение эмоций, испытываемых в момент звучания этих слов бабушкой, подчеркнуто уточнением „закрыв глаза”. Лишая себя одного из ощущений, бабушка усиливает таким образом одновременное переживание радости и печали. В этих словах для нее целая жизнь, которая уже не повторится.

В детстве Антон Стремоухов был пленен красотой звучания, необычностью слова, но в игре со словом герой был „заводилой”, считал, что оно находится в его власти. Со временем он сам оказывается во власти слов. Об этом говорит его друг: „Я не видел человека, который бы так по уши был погружен в слово”²⁵.

О власти слов над собой говорит и сам герой: „Отделаться не удавалось, слова звенели в голове, он повторял и повторял их, пробуя на вкус...”²⁶.

Особое отношение к слову характеризует и автора романа *Ложится мгла на старые ступени*. Почти все, кто писал о романе, указывали на сходство автора и героя. „Голос автора — во многом голос главного героя, Антона Стремоухова, в чьем тоне и духе повествование ведется”²⁷.

Об особом внимании автора к слову свидетельствует тот факт, что одну из важных тем романа — отношение деда и внука к советской власти — он в том числе решает и через обращение к теме доверия к слову в печатных СМИ. В тексте содержится множество упоминаний различных дореволюционных („Виленский вестник”, „Горный журнал”, „Нижегородский листок”, „Русское богатство”, „Нива”, „Казанский телеграф”, „Одесские новости”, „Новое время”, „Тифлисский листок”, „Соха-кормилица”, „Жизнь приказчика” и др.) и советских периодических изданий („Правда”, „Пионер”, „Крокодил”, „Огонек”, „Пионерская правда”, „Кузбасский рабочий”, „Новокузнецкий рабочий”, „Социалистический труд”, „Литературная газета”, „Дружные ребята”, „Вечерняя Москва”, „Известия”, „Наука и жизнь”, „Звезда”). В семье Саввиных-Стремоуховых была сформирована особая культура чтения прессы. Каждый из представителей трех поколений имел свою папку с газетными вырезками.

В первую очередь газетная информация была поводом к разговорам, дискуссиям внутри семьи и с проходящими в дом жителями Чебачинска, в основном политическими ссылными, среди которых был, например,

²⁴ Там же, с. 233.

²⁵ Там же, с. 397.

²⁶ Там же, с. 398.

²⁷ Р. Лапушин, „Живая свежесть” (К поэтике романа-идиллии А.П. Чудакова „Ложится мгла на старые ступени”, [в:] Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы, ред. Е.А. Тоддес, Москва 2009, с. 396.

Б.Г. Гройдо, „заместитель Сталина по национальным вопросам — его имя Антон потом нашел в красной Большой советской энциклопедии”²⁸. Содержательность и глубина полемики не вызывает сомнений. Большею частью она была посвящена вопросам прошлого и настоящего России. И в качестве аргументов дед, уверенный в том, что большевики „отняли Россию”, приводит факты, почерпнутые из газет: „Во что превратилась Россия, — задумчиво говорил дед. — Газеты пестрят именами ткачих, комбайнеров, свинок. Почему в прежнее время их имена никому не навязывали? А свинок было поболее”²⁹.

Под влиянием деда у Антона постепенно формируется критический взгляд на презентацию действительности советской прессой. Происходит это не сразу, поскольку „печатному слову Антон верил беззаветно...”³⁰. Постепенно идет отторжение клишированного языка газетных статей. С этой точки зрения интересны те события, которые относятся еще ко времени той самой беззаветной веры в газетное слово. Слово „передовой” в сознании маленького Антона было связано исключительно с газетой „Правда”. „[...] в «Правде», заголовки из которой Антон всякий день читал деду, это слово попадалось в каждом номере и значило — самый лучший: «передовой колхозник», «передовик производства», «передовое учение»”³¹. Услышав песню про кавалеристов, он так для себя и объяснил смысл слов „В стремени пристал передовой”: „Видимо, передовой из песни — передовее других или конь у него всех лучше”³². Газетные штампы врезаются в память Антона, которая назойливо добавляла „Усталые и довольные, пионеры...” или „С юношеским задором работает старик Мичурин [...] Он спит и видит вишню без косточек, которую нужно создать по заказу советской промышленности”³³.

У героя романа *Ложится мгла на старые ступени* особое отношение к слову. Антон Стремоухов воспринимает его всеми органами чувств. Он не только видит и слышит слово, но и ощущает его вкус, запах, фактуру. Изображение этого редкого дара становится одной из ведущих тем романа.

²⁸ А.П. Чудаков, *Ложится мгла на старые ступени*, с. 40.

²⁹ Там же, с. 227.

³⁰ Там же, с. 122.

³¹ Там же, с. 252.

³² Там же.

³³ Там же, с. 304.

Sensory perception of words in the novel *A Gloom is Cast upon the Ancient Steps* by Alexandr Chudakov

Summary

The article deals with the analysis of a sensory word perception shown by Anton Stremoukhov, the character in the novel *A Gloom Is Cast Upon the Ancient Steps* by Alexandr Chudakov. The character perceives a word with all his sensory organs. This attention to the words with all types of feelings involved results in a special range of emotional experience of the character. The article describes how the author shows Anton's love for a word, his tendency to use wordplay, and create new words. In the novel the character's childhood events, world view and fortune are determined by his special perception of a word. The article demonstrates that the subject of word perception becomes one of the leading lines in the novel *A Gloom Is Cast Upon the Ancient Steps* by Alexandr Chudakov.

Keywords: word perception, feelings, emotions, wordplay, creation of new words

Zmysłowa percepcja słowa w powieści Aleksandra Czudakowa *Na stare stopnie mgła opada rosą*

Streszczenie

Autorzy artykułu analizują sposoby percepcji słowa przez bohatera powieści Aleksandra Czudakowa *Na stare stopnie mgła opada rosą*. Bohater powieści, Anton Striemouchow, percepuje słowo za pomocą różnych zmysłów. Wykorzystanie wszystkich receptorów w odbiorze słowa tworzy szczególnie zespół doświadczeń emocjonalnych bohatera. Omówiono sposób ukazania przez autora powieści zamięłowania Antona do słowa, jego pasję tworzenia neologizmów i nowych tekstów z wykorzystaniem gry słów. Zdaniem autorów artykułu, specyficzne odbieranie słowa przez bohatera powieści określa sens jego dzieciństwa, determinuje jego postrzeganie świata i przeznaczenie. Analiza pokazuje, że percepcję mowy można uznać za jedną z podstawowych linii tematycznych w omawianej powieści Aleksandra Czudakowa.

Słowa kluczowe: percepcja słowa, uczucia, zmysły, gra słów, słowotwórczość